

«Еврейский синдром» советской пропаганды

И до какой степени верен оказался ему Александр Солженицын

(1929-2003 (1929/08/03 - 19/08/2008) - с 3- (приказ и повеления))

Валерий Каджая

О евреях пишут все, но только Солженицын – так, что всех задает. Уже книги – этаким «еврейский ответ Солженицыну» – выходят. В частности, «Вместе или врозь? Заметки на полях книги Солженицына» Семена Резника (см. «ЕЛ-НГ» от 26 июня 2003 г.). Валерий Каджая остановился лишь на одном эпизоде второго тома книги Солженицына «Двести лет вместе» – главе, посвященной Великой Отечественной войне. Печатается с сокращениями.

Бесстрастные цифры свидетельствуют, что евреи на фронте присутствовали в той же пропорции к общей численности еврейского населения, что и представители остальных национальностей СССР в пропорции к своим народам. И воевали не хуже других. И тем не менее антисемитизм, если верить Солженицыну, на фронте имел место быть. И причину новоиспеченный историк видит в том, что на передовой евреев было значительно меньше, чем во 2-м и 3-м эшелонах фронта: «...и всякому было наглядно: да, там евреев значительно меньше, чем на передовой». Термин «наглядно» к историческому инструментарию не относится ни с какого боку. Это чисто писательский эмоциональный взгляд, который всегда субъективен. Объективны же только цифры и факты.

Тайная политика Сталина

Противоречия самому себе, Солженицын чуть ли не в следующем абзаце приводит данные исследования, опубликованные в 1975 году о национальном составе двухсот стрелковых дивизий с 1 января 1943 года по 1 января 1944 года: «В этих дивизиях на указанные даты евреи составляли соответственно – 1,50% и 1,28%, при доле в населении 1,78% (на 1939 г.), – и лишь к середине 1944-го, когда армия стала пополняться за счет населения освобожденных областей, доля евреев упала до 1,14%; почти все евреи там были уничтожены». Но и здесь Солженицын умудряется перевернуть исходные данные: принято ведь исчислять не от количества населения, а от призыва. Доля же евреев в общем призыве составляла 1,3 процента, так что в стрелковых дивизиях их было даже «гуще», чем других национальностей. А что такое «стрелковая дивизия»? Это и есть пехота-матушка, то самое «пушечное мясо», которое перемалывалось на передовой.

Все еврей-фронтовики, с которыми мне удалось беседовать, в один голос утверждают, что в отношении себя со стороны однополчан они никогда, ни в чем и никакого недоброжелательства не ощущали. На фронте, на передовой никто не обращал внимания, кто ты – еврей, грузин, татарин, русский и т.д., – главное, как ты воюешь. Евреи воевали хорошо, храбро, поэтому никаких претензий к ним не было.

Зато в глубоком тылу антисемитизм действительно борзел и смердел. Я имею в виду не тот бытовой, который получил распространение в Сибири, Казахстане, в Средней Азии, чего раньше там никогда не наблюдалось. Но это и ежиком понятно: до войны евреев в тех краях было раз-два и обчелся. Но с первых же дней немецкого нашествия туда хлынул поток эвакуированных и беженцев, именно туда перебазировались с оккупированных территорий, а также из зоны риска почти все оборонные и важные для народного хозяйства предприятия, там же сосредоточились и большинство госпиталей, НИИ и КБ. А в этих учреждениях, особенно на заводах, среди технической интеллигенции евреев было значительно больше, чем рабочих, врачей в госпиталях – больше, чем медсестер и санитаров и т.д. И хотя такая пропорция сложилась задолго до войны, но тогда она в глаза так не бросалась, ибо евреи были рассредоточены сравнительно равномерно по

всей стране. А тут – собрался одним кагалом.

Но бытовой антисемитизм подогревался не столько этим, сколько совершенно изустной пропагандой, тон которой задавала Москва, точнее, Агитпроп ЦК КПСС. Писатель А.Степанов, автор широко известного романа «Порт-Артур», находившийся в эвакуации во Фрунзе, прислал в мае 1943-го главному редактору газеты «Красная звезда» Д.Ортенбергу, с которым был дружен, письмо, где, в частности, коснулся антисемитизма: «Демобилизованные из армии раненые являются главными его распространителями. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках и ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же беззастенчивые. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходки. Со стороны милиции по отношению к таким проступкам проявляется преступная мягкость, граничащая с прямым попустительством».

Это писал русский человек, но с обостренной совестью и чувством справедливости. Ортенберг переправил письмо в ЦК и 30 июля был вызван к А.Шербакову, который занимал с 1942 года пост начальника Главного политического управления Советской армии – заместителя наркома обороны, одновременно начальника Совинформбюро, кандидата в члены Политбюро, 1-го секретаря МК и МКП и секретаря ЦК ВКП(б). Он сосредоточил в своих руках всю партийную пропагандистскую машину. Впрочем, других машин тогда и не было.

Александр Сергеевич вызвал Ортенберга вовсе не для того, чтобы обсуждать тревожное письмо Степанова. Он объявил ему... о смещении с поста главного редактора центральной армейской газеты «Красная звезда», который тот занимал с 30 июня 1941 года и пользовался огромным авторитетом и уважением в писательской военной среде.

Эту историю я целиком, слово в слово переписал из фундаментального труда Г.Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм». А.Солженицын хорошо знает эту книгу, а самого Геннадия Васильевича, доктора исторических наук, называет «тщательным исследователем «еврейской» политики Сталина». Четырежды ссылается Александр Исаевич на указанную книгу, но из этих ссылок неосведомленный читатель скорее сделает вывод об антисемитском настроении историка, чем об антисемитском духе тайной политики Сталина, активным проводником которой был Шербаков. Это от него в начале 1943 года пошла по фронтам неглас-

ная директива: «Награждать представителей всех национальностей, но евреев – ограниченно». Но об это позже.

Солженицын как верный сталинист

Даже о Бабьем Яре мы узнали через многие годы после окончания войны. Но об этом замалчивании у Солженицына – тоже ни слова. Коротенько, одним абзацем коснувшись чудовищного злодеяния в Киеве, Александр Исаевич многозначительно замечает: «Нельзя не напомнить здесь, что в нескольких километрах от Бабьего Яра и в те же месяцы, в огромном Дарницком лагере советских военнопленных погибли тоже десятки тысяч советских бойцов и офицеров, но

мы не храним об этом должную память, а многим – и вовсе это неведомо. Как и – больше чем о двух миллионах погибших наших военнопленных за первые годы войны».

И это пишет человек, сам испытавший на себе всю чудовищность античеловеческого сталинского режима. Я ждал, что Солженицын объяснит читателям, почему все-таки советская пропаганда замалчивала факт тотального уничтожения евреев немцами, почему ни слова не было сказано про Бабий Яр после освобождения Киева, хотя о том, что в овраге лежат десятки тысяч расстрелянных евреев: женщин, стариков, детей – всех, кого загребала нацистская машина уничтожения, – знал весь город. Почему молчали официальные органы? Вместо ответа Солженицын бубнит про дарницких военнопленных. Да кто спорит о том, что о них тоже надо хранить должную память? Но ведь трагедию Дарницкого лагеря и остальных двух миллионов советских военнопленных, точно так же, как и трагедию Бабьего Яра и двух миллионов мирных советских евреев, уничтоженных немцами, – сталинская пропаганда замалчивала одинаково!!! Почему? Дай ответ, Александр Исаич! Не дает ответа...

И думается мне, судьба сыграла злую шутку с Солженицыным, как с людьми, у которых от рождения перепутан пол: должен был родиться женщиной, а родился мужчиной или наоборот, и мается всю жизнь. Ведь если поразмыслить, самое место Солженицыну командовать во время войны не звуковой батареей, а «большевицким» Агитпропом, он бы далеко обошел Шербакова. Собственно, сегодняшние рассуждения Солженицына о месте и роли евреев в прошедшей войне – это зеркальное отражение сталинской политики, твердо проводимой в жизнь его главным идеологом. Никого Холокоста не было – все народы оккупированной территории СССР страдали одинаково. Никаких военнопленных не было – были трусы и предатели, погибли – так им и надо. И далее в том же духе.

Неужели Солженицын не понимает, что, если бы даже не в полную меру, а хотя в половину освещалась советскими СМИ трагедия мирного еврейского населения, отношение к эвакуированным евреям было бы значительно сочувственнее? Если бы в газетах, журналах, в радио-передачах, в документальном кино отражалось – тоже хотя бы вполювин, – как евреи сражались на передовой, разве возникли бы разговоры о том, что они отсиживаются в тылу, всячески увиливая от фронта? Перестайте подкидывать военных лет любой из центральных га-

медиков было множество евреев, врачей, медсестер, санитаров». И ничего Солженицын не говорит о том, что в Красной Армии был самый высокий процент – около 80 – возвращенных раненых в строй! Сколько русских и бойцов других национальностей вернули к жизни еврей-врачи! Спросить бы этих бойцов, что бы они предпочли: умереть в бою от ран рядом с таким же раненым бойцом-ев-

ПЬЕМ ВОДУ РОДНОГО ДНЕПРА, БУДЕМ ПИТЬ ИЗ ПРУТА, НЕМАНА И БУГА! ОЧИСТИМ СОВЕТСКУЮ ЗЕМЛЮ ОТ ФАШИСТСКОЙ НЕЧИСТИ!

Воевали все. И все воевали честно.

Плакат Виктора Иванова. 1942 г.

реем или быть возвращенным к жизни евреем-врачом?

Еще Солженицын называет цифру генералов ветеринарной службы (9) и инженерных войск (33). С точки зрения службы ветеринарная служба в армии – это тоже нечто такое, второстепенное. И инженерные войска – это вам не броне-танковые или военно-воздушные... И Солженицын угодливо потрафляет обывателю, не

них (71,8 процента) принимали непосредственное участие в боевых действиях, 38 – погибло.

Эти данные будут интересны как обывателю, так и любому непредвзятому человеку. Что же касается Солженицына – он все это отлично знает, но умалчивает. Почему? Вопрос, думаю, согласитесь со мной, совершенно риторический...

Но если газетам можно было запретить писать о том, как храбро воюют евреи, то запретить самим евреям воевать храбро не мог никакой Агитпроп и даже сам Верховный главнокомандующий. И тогда вступала в действие та самая негласная директива Шербакова. О том, что она существовала, доказывают опять же Большие числа.

Логика Больших чисел

Бьюсь об заклад, что если сегодня провести социологическое исследование, то, самое большое, один человек на 100 000 – да, да, на 100 000 опрошенных – ответит положительно, повторил ли хоть один еврей подвиг Александра Матросова. Более чем уверен, что аналогичный результат социологи получили бы и в 1945 году, сразу по окончании войны. Впрочем, тогда социологи, как и сейчас, в СССР не существовало: первая считалась буржуазной наукой, вторая – буржуазным пережитком. И тем не менее: подвиг Матросова за годы войны повторили четыре еврея, причем рядовой Абрам Левин лег грудью на амбразуру за год до Матросова, 22 февраля 1942-го, при освобождении Калининской области (был награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно... через 15 лет), а сержант Товье Райз умудрился остаться в живых, хотя и получил 18 ранений – чем не еврейское

счастье? – был награжден орденом Славы 3-й степени.

Подвиг Николая Гастелло повторили 14 летчиков-евреев. Звание Героя присвоили только двоим, да и то Шкину Абрамовичу Кордонскому лишь в 1990 (!) году, хотя свидетелями его подвига 28 сентября 1943 года была вся эскадрилья. Четыре летчика-еврея совершили воздушный таран – Героя не дали ни одному. Напомню, что Виктору

одетый в форму немецкого майора (Евгений чисто говорил по-немецки), он проник в штаб пехотной дивизии, вошел в домик командира-генерала, поставил к его боку пистолет и сказал по-немецки: «Моя жизнь ничего не стоит. Если пикете – убью. Идите к своей машине». И на генеральском же «Хорхе» Волянский привез командира дивизии (!!!) в расположение партизан. Снова представление к званию Героя, и снова – Красная звезда.

С 29 августа 1944 года отважный командир – в Словакии, и уже 9 сентября еврей Коренцвит возглавил 2-ю Чехословацкую партизанскую бригаду «За свободу славян»: ну прямо как будто специально для плаката, очерка или фильма на тему «Дружба народов». В сентябре и октябре бригада уничтожила немецкие гарнизоны в шести словацких городах. В начале 45-го, когда Словацкое восстание было подавлено, Волянский вывел бригаду из окружения «по-суворовски»: по снежным горным тропам, обморозив при этом себе обе ступни. Спустившись с гор, как снег на голову, партизаны выбили немцев из города Валовец и здесь соединились с Чехословацким корпусом генерала Свободы. На этот раз сам Свобода ходатайствовал о присуждении Волянского звания Героя. Но – снова Красная звезда.

Перейти заснеженные Татры и выбить немцев из Валовца оказалось куда легче, чем «выбить» из начальника Центрального штаба партизанского движения СССР, 1-го секретаря ЦК КП Белоруссии П.Пономаренко Золотую Звезду Героя для еврея. Сам Пантелей Кондратьевич лично против Волянского-Коренцвита ничего не имел, он даже не был с ним знаком. Но и Центральный штаб, как и штаб партизанского движения Украины, оба были также и настоящими штабами антисемитизма. Не только Коренцвит – ни один из евреев – командиров отрядов, ни один рядовой партизан-еврей не стал Героем, хотя были среди них вполне заслужившие звание. Но указом от 23 февраля 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. К этому времени он имел на своем счету 238 боевых вылетов плюс 10 сбитых самолетов. С 1943 года официальная норма членам экипажа ПЕ-2 для получения Героя была установлена в 150 боевых вылетов, даже если стрелок и не сбил ни одного самолета – там главное было, чтоб своя бомбардировщик не сбили.

И если бы Стратиевский был исключением... То, что его случай – обычная практика, подтверждает ярко и очевидно, и в то же время горько и обидно, совершенно уникальная судьба партизанского командира Евгения Волянского (Хаима Коренцвита). Он как минимум должен был трижды Героем Советского Союза, но не получил ни одной Золотой звезды, только Красные. Первый раз его представил к высшей награде прославленный командир соединения украинских партизан Яков Мельник, у которого он возглавлял разведку. Евгений организовал десятки диверсий, в том числе и на железных дорогах, а весной 43-го вдвоем (!) с помощником взорвал немецкий бронепоезд, идущий к фронту – первая Красная звезда.

Благодаря смелости и находчивости Евгения соединения Мельника трижды без потерь выходило из плотного окружения немцев. В сентябре 1944-го,

позажнее и без них было навалом. А практика сложилась такая, что за один и тот же подвиг еврей давали награду всегда рангом или двумя поменьше той, которой удостоивался славянин. Положение стало настолько нетерпимым, что даже близкий к придворным кругам и лично к тов. Сталину Илья Эренбург (возможно, как раз в силу своей личной близости) осмелился сказать вслух то, что на фронте знал, видел и понимал каждый, если только, как Солженицын, в силу своей заперенности и заидеологизированности не хотел этого и не знал, и не видеть, и не понимать. На 2-м пленуме ЕАК в марте 1943 года Эренбург выступил с большой речью. Приведу из нее отрывок, в котором заключена квинтэссенция наболевшей проблемы: «Вы все, наверное, слышали о евреях, которых «не видно на передовой». Многие из тех, кто воевал, не чувствовали до определенного времени, что они евреи. Они почувствовали лишь тогда, когда стали получать от эвакуированных в тыл родных и близких письма, в которых выражалось недоумение по поводу распространяющихся разговоров о том, что евреев не видно на фронте, что евреи не воюют. И вот еврейского бойца, перечитывающего такие письма в блиндаже или в окопе, охватывает беспокойство не за себя, а за своих родных, которые несут незаслуженные обиды и оскорбления.

Для того чтобы еврей-бойцы и командиры могли и дальше спокойно делать свое дело, мы обязаны рассказать о том, как евреи воюют на фронте. Не для хвастовства, а в интересах нашего общего дела – чем скорее уничтожить фашизм. Для этой цели мы обязаны создать книгу и в ней убедительно рассказать об участии евреев в войне...»

Выступление Эренбурга было напечатано в газете «Эйникит», издававшейся на идише, который половина евреев забыла, а половина вообще не знала. Никакой книги, конечно же, никто не издал. Хотя, если верить Солженицыну, «Илья Эренбург, еще и другим, например, журналисту Критеру, дано было «добро» сквозь всю войну поддерживать и распылять ненависть к немцам. Эренбург отгребел главным трубадуром всей той войны, утверждая, что «немец по природе своей зверь».

Солженицын как-то запечатывал, что Эренбургу принадлежал также и прямо-таки людоедский лозунг: «Убей немца!» Надо сказать, действовал он на фронте куда сильнее, чем официальный «За Родину, за Сталина!», потому что был ближе и понятнее сердцу солдата, видевшего, что творили немцы. Не фашисты, не гитлеровцы, а именно немцы. Неужели и этого не понимает и не знает фронтовик Солженицын! До какой же степени ослепления можно дойти в своей неприязни к евреям! Но тем не менее нельзя не согласиться с Солженицыным, что «несмотря на примеры бесспорной храбрости... широко распространенное и в армии, и в тылу представление об уклонении евреев от участия в боевых частях. Это точка болевая, болезненная. Но если обходить большое – нечего брать и за книгу о совместно пройденных испытаниях... Свидетельствую: да, среди солдат на фронте можно было такое услышать. И после войны – кто с этим не сталкивался? – осталось в массе славян тягостное ощущение, что наши евреи могли провести ту войну самоотверженней: что на передовой, в нижних чинах, евреи могли бы состоять гуще... Проще всего сказать (так и говорится), что это – русский антисемитизм... А попытаться бы разобраться; ведь полвека прошло...» – справедливо призывает Нобелевский лауреат.

А что помешало ему разоблачить? Все верно и на счет «тягостного ощущения», но что сделал сам Солженицын, чтобы снять болевую точку? Но он сознательно обошел ее, и тем еще больше стусил «тягостное ощущение». Тогда зачем было браться за книгу о совместно пройденных испытаниях. ■

Валерий Каджая - публицист.